

ЧЕРНАЯ БЫЛЬ БОРИСА ЩЕРБИНЫ



Чернобыль — былняк, коники, будильник, крупный вид полыни. Чернобыльский корень дают от падучей.

В.Даль

Рыжков: «Срочно вылетайте в Москву!..»

Конец рабочей недели Щербина планировал провести на Тенгизском и Карачаганакском месторождениях. Тенгиз, Карачаганак, Кульсары — новые кладовые в Прикаспии, на восточном побережье Каспийского моря. О них в то время много писали. Там, в одном комплексе с соседними оренбургскими заводами, планировалось создать мощную энергетическую базу. В Оренбурге на 26 апреля 1986 года назначили собрание областного партийно-хозяйственного актива. С докладом готовился выступить Борис Евдокимович. В тот же день вечером он собирался вернуться в Москву.

Над Чернобылем уже пылало небо.

Вспоминает Николай Иванович Рыжков:

«26 апреля пришлось на субботу. Уже собирался уезжать рано утром на работу, когда притормозил меня резкий звонок "вертушки". Звонил министр энергетики Анатолий Иванович Майорец.

— Извините, что беспокою, — взволнованно сказал он, — но, кажется, ЧП на Чернобыльской атомной...

— Кажется или ЧП? — перебил я. — Подробнее можно?

— Подробности пока не знаю. Связываемся с Чернобылем.

Я глянул на часы:

— Через полчаса буду у себя в кабинете. Надеюсь, вам хватит времени, чтобы дозвониться и все выяснить?

Говорят, что в мгновения опасности включается шестое чувство. Уж не знаю, какое включилось у меня, но ехал в Кремль и только об этом звонке и думал, просчитывал варианты. Увы, но все они оказались неизмеримо далеки от реальности. Видно, человек подсознательно стремится уйти от самого худшего...

Вошел в кабинет, сразу нажал кнопку прямой связи с Майорцем:

— Что там случилось?

— В 1 час 23 минуты на четвертом блоке Чернобыльской атомной электростанции произошел мощный взрыв, после чего начался пожар.

Я уточнил, еще надеясь на лучшее:

— Где взрыв? В машинном отделении?

— Нет, — ответил Майорец, — в реакторе.

Взрыв в реакторе — это было страшно. Пожар в реакторе — еще страшнее. Ночной кодовый сигнал со станции гласил: "Один, два, три, четыре". Эти цифры означали все виды опасности: ядерную, радиационную, пожарную, взрывную. Последствия — ближайшие и отдаленные — предсказать было невозможно.

Неясная пока обстановка в маленьком украинском городке требовала немедленных действий. Поэтому я приказал Майорцу безотлагательно лететь в Киев, добираться к месту катастрофы, а сам вызвал к себе совминовских специалистов. Наскоро прикинул с ними состав Правительственной комиссии, куда в первую очередь должны были войти ученые-атомщики, реакторщики, химики и другие специалисты.

В 11 утра постановление о создании комиссии было подписано. А в это время помощники разыскивали по телефону председателя Бюро по топливно-энергетическому комплексу, моего заместителя Бориса Евдокимовича Щербину, который накануне улетел на газовые промыслы в Оренбургскую область. ЧП есть ЧП: Щербину отыскали быстро. Я коротко сообщил ему о взрыве, о составе комиссии и сказал:

— Срочно вылетайте в Москву! Члены комиссии будут ждать вас на аэродроме, самолет уже готовят, так что сразу — в Чернобыль».

Оренбург. 26 апреля 1986 года

Борис Евдокимович собирался выступать последним. Его помощник Б. Н. Мотовилов находился рядом за занавесом, в комнате, где был телефон — таков порядок, хотя никаких звонков в этот нерабочий день Щербина не ожидал.

Тем не менее телефонный звонок раздался. Дежурный по обкому КПСС передал: по спецсвязи из Москвы звонит

Ю. К. Семенов из Совмина СССР с важным сообщением для Щербины. Помощник посмотрел на часы: в Москве около 9 часов утра. Он тотчас написал записку для Щербины, прошел к президиуму и передал. Борис Евдокимович на этом же листочке написал, чтобы Мотовилов съездил в обком и переговорил с Семеновым.

Семенов сообщил, что на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной станции — авария

с выходом радиоактивности, что обстоятельства еще недостаточно ясны, но на блоке бушует пожар с высотой столба пламени до 90 метров. Он также передал, что информация об аварии, представленная шифротелеграммой КГБ, передана председателю правительства Рыжкову и некоторым его заместителям, что в ближайшие минуты соберется президиум Совмина и подготовлен проект распоряжения правительства о назначении Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии, председателем которой предлагается назначить Щербину.

Возвратившись в зал, где проходил актив, и дождавшись перерыва, Мотовилов все подробно рассказал Щербине. Борис Евдокимович решил сам переговорить с Рыжковым. Но сначала позвонил по «ВЧ» своему заместителю Семенову, уточнил некоторые детали.

Борис Евдокимович пытался убедить Рыжкова в том, что с ролью председателя комиссии вполне справится министр энергетики и электростанций Майорец, который уже находился на станции. Там же были ответственные работники Минэнерго, аппарата Совмина и ЦК КПСС, ряд ученых-атомщиков.

Рыжков настаивал на своем предложении. Он знал об аварии больше, чем можно было сказать даже по спецсвязи.

Закончив разговор с премьером, Борис Евдокимович отдал помощникам первое чернобыльское распоряжение: членам комиссии в 15 часов быть в зале ожидания аэропорта «Внуково-2». До вылета в Москву следовало завершить дела в Оренбурге. Его выступление планировалось в конце собрания. Борис Евдокимович попросил предоставить ему слово раньше. Разумеется, заместителю председателя правительства пошли навстречу. Он выступил, как всегда, дельно, аналитически, хотя мыслями уже был далеко от Оренбурга, от Южного Урала: «Что же стряслось там, в Чернобыле?»

Экипаж правительственного самолета был готов к вылету. Пилоты, узнав о перемене программы, не удивились: они привыкли к вводным: «Долетим и до Киева. Вот только во Внукове дозаправимся».

Москва — Киев. 26 апреля 1986 года

Дозаправка — 40 минут. Борис Евдокимович переговорил с членами комиссии — многих из них он знал. Академики Легасов и Сидоренко, первый заместитель министра здравоохранения Воробьев, первый заместитель начальника 6-го Главного управления КГБ СССР генерал-лейтенант Щербак... Легасов вспомнил аварию на американской станции «Тримайален» в 1979 году. Скорее всего, предполагал академик, причина той аварии ничего общего с событиями в Чернобыле не имеет.

Так и оказалось. Все было куда серьезнее. Осмыслив ситуацию, академик Легасов подвел итог: «Чернобыльская авария — это апофеоз, вершина всего того неправильного ведения хозяйства, которое осуществлялось в нашей стране в течение многих десятков лет».

Но пока в аэропорту «Жуляны» на окраине Киева столичную делегацию встречает председатель правительства Украины А. П. Ляшко с командой своих замов и министров республики. Александр Павлович и Борис Евдокимович — земляки-донбассовцы, встречаясь, всегда перебрасывались парой слов о родных краях. Но в этот раз было не до воспоминаний. Точной информацией хозяева не располагали, хмуро твердили, что *там* дело плохо.

Поначалу собирались лететь в Припять, городок у самой ЧАЭС, на вертолетах — две машины стояли наготове. Но внезапно на Жуляны обрушилась гроза, потемнело, хотя время еще было не позднее. В 140-километровый путь отправились «Волги» и «Чайки».

На подъезде к Припяти, километров за восемь — десять, Легасова поразило небо. Багровое, точнее, малиновое зарево стояло над станцией. Это делало ее совсем не похожей на атомную. Глазу специалиста АЭС представляется объектом, не имеющим никаких выделяемых газов. Это ее отличительный признак. А тут вдруг такое — как металлургический завод или крупное химическое предприятие, над которыми зарево в полнеба.

Вот и Припять, райцентр, которому дала название река, приток Днепра. В полутора километрах от городка — ЧАЭС. Отсюда кажется, что столб огня и дыма над четвертым энергоблоком заслоняет небо. Позже Борис Евдокимович рассказывал, что никто из его спутников, даже академик Легасов, не испытывал особого чувства тревоги. Вот что надиктовал потом на магнитную пленку Валерий Алексеевич: «...Мне тогда и в голову не приходило, что мы движемся навстречу событию планетарного масштаба, событию, которое, видимо, войдет навечно в историю человечества, как извержения знаменитых вулканов, гибель Помпеи или что-нибудь близкое к этому».

Припять. 26 апреля 1986 года

В здании горкома партии было полно людей. Местное начальство, областное — во главе с председателем Киевского облисполкома Иваном Степановичем Плющем, министр энергетики и электрификации Союза Алексей Иванович Майорец со своей группой, первый заместитель начальника Гражданской обороны страны генерал-полковник Иванов... К сожалению, за минувшие часы, а уже завершались первые сутки беды, не было выработано плана действий в столь экстремальных условиях. Достоверно было известно, что погибли два человека, остальные пострадавшие находятся в больницах города: радиационная обстановка на разрушенном четвертом блоке сложная, а в городе хотя и повышенная, но для жизни людей не опасная.

Щербина тут же провел первое заседание Правительственной комиссии. Были образованы рабочие группы по главным направлениям: обеспечение безопасного состояния реактора; радиационная обстановка; восстановительные работы; подготовка мероприятий по эвакуации населения; оперативное управление обстановкой; экспертная оценка причин аварии.



Борис Евдокимович лишь ненадолго отпускал членов комиссии и привлеченных специалистов в расположенную рядом с горкомом гостиницу, где остановился и сам, чтобы помыться, побриться и сменить рубашку. Работали первое время в своей одежде, которую впоследствии пришлось уничтожить из-за радиационной загрязненности.

Вновь обратимся к свидетельству Н. И. Рыжкова:

«Щербина позвонил мне совсем поздно, устало и с болью рассказал о случившемся. Вкратце так: во время нештатного испытания турбоагрегата на четвертом блоке АЭС последовательно произошли два взрыва. Реакторное помещение разрушено, несколько сот человек получили лучевой удар, двое погибли, радиационная обстановка сложная и пока до конца не ясная.

Он сообщил, что комиссия работает, разбившись на маленькие группы, каждая по своему профилю, но уже очевидно, что без военных не обойтись. Срочно нужны вертолеты, лучше тяжелые, нужны химические войска, и поскорей, поскорей...

Немаловажно отметить, что комиссия обнаружила полностью деморализованное руководство станции и с этого часа все управление работами взяла на себя. Нужны были железная воля и профессионализм».

В район бедствия срочно были направлены химические войска во главе с генералом Пикаловым и вертолетные части из Чернигова во главе с генерал-майором Антошкиным.

Эвакуация

Подъезжая уже за полночь к Припяти, генерал-майор авиации поразился: город не спит, в окнах полный свет... Доложил как положено, о своем прибытии Щербине. Председатель комиссии сказал:

— На вас и на ваших вертолетчиков, генерал, сейчас вся надежда. Кратер надо запечатать песком наглухо. Сверху. Ниоткуда больше к реактору не подступиться. Только сверху. Только ваши вертолетчики...

— Когда начинать?

— Когда начинать? Прямо сейчас. Немедленно.

— Нельзя, Борис Евдокимович. Еще не перебазировались вертолеты. Надо найти площадку, место управления полетами... Только с рассветом...

— Тогда прямо с рассветом, — согласился Щербина. — Ну, вы меня понимаете, генерал? Берите это дело в свои руки.

Антошкин думал, куда сажать вертолеты. Не находил ответа. И вдруг поймал себя на том, что внимательно рассматривает площадь перед горкомом партии. «Именно здесь! — обрадовался он. — Кроме этой площадки, больше нигде...»

Доложил Щербине. После некоторых колебаний — шум моторов будет мешать работе Правительственной комиссии — получил «добро».

Утром 27 апреля прилетели первые два вертолета Ми-6. Гром приземлившихся на площади перед горкомом машин разбудил членов комиссии, которые только в четыре утра прилегли вздремнуть. Потом вертолеты то и дело садились и взлетали. Грохот стоял невероятный. Приходилось говорить очень громко, даже кричать. Но все терпели. Теперь можно было произвести разведку с воздуха.

После первого же полета академик Легасов доложил: реактор полностью разрушен. На крыше машинного зала, на территории валялись куски графитовых блоков — либо цельные, либо разрушенные. Виднелись крупные элементы тепловыделяющих сборок. Из жерла реактора на несколько сот метров поднимался белый столб дыма от продуктов горения, видимо графита. Внутри реакторного пространства было видно мощное малиновое свечение. При этом трудно было сказать однозначно, отмечал Легасов, что является причиной этого свечения. По всей видимости, это были раскаленные графитовые блоки, оставшиеся на месте, потому что графит горит равномерно, выделяя белесые продукты обычной химической реакции. А свет, который отражался в небе, — это свечение раскаленного графита. Были быстро определены мощности излучения в

различных точках вертикальных и горизонтальных плоскостей.

Насколько это опасно для города? Как защитить население от облучения радиоактивными веществами? И самое главное — эвакуировать или не эвакуировать жителей Припяти и других населенных пунктов вокруг ЧАЭС? Недостаток информации и противоречия в инструкциях физиков и медиков не позволяли дать однозначные ответы. А ответа ждали от председателя комиссии. Решение требовалось принимать в считанные часы. Учитывая при этом вероятную панику в городе, возможности транспортных средств, пунктов приема эвакуированных...

На момент аварии в Припяти проживало немногим более 50 тысяч человек, из них более половины — работники Чернобыльской АЭС и строители электростанции с членами семей. Город строился параллельно с вводом в эксплуатацию новых энергоблоков, основу застройки составляли 5-, 9- и 14-этажные жилые дома, социальная инфраструктура, спортивные сооружения. Даже яхт-клуб на берегу водохранилища. Словом, это был один из хорошо отстроенных молодых городов.

Практически все семейные и даже одинокие специалисты жили в отдельных квартирах, в городе было зарегистрировано около 12 тысяч личных легковых автомобилей. И неудивительно. Зарплата у эксплуатационников и строителей более чем вдвое превышала среднюю по стране. В общем, жителям Припяти было что терять в этой налаженной и, казалось, безмятежной жизни, и Правительственная комиссия, обсуждая вопрос о возможности (или необходимости) эвакуации населения, хорошо это представляла.

А к тому, что эвакуация неизбежна, большинство членов комиссии стали склоняться к полуночи 26 апреля, когда более или менее точно определилась радиационная обстановка в городе. Группа дозиметристов, работу которых координировал директор научно-исследовательского института атомной энергетики А. А. Абагян, была усилена военными специалистами, располагавшими современной измерительной техникой. Из данных, представленных этой группой, следовало, что радиационный фон в пределах города составлял в среднем 0,5 рентгена в час. А это значит, что каждый житель за сутки, проведенные в черте города, мог получить дозу радиоактивного облучения 12 рентген.

Для справки: предельно допустимая доза для профессионалов, работающих с радиоактивными источниками, составляет 25 рентген. И если специалист постепенно или одновременно набирает эту дозу, он отстраняется от работы с указанными источниками на всю оставшуюся жизнь, становится объектом пристального наблюдения врачей.

С учетом того, что люди даже малые и средние дозы радиации переносят по-разному, было ясно, что счет времени пребывания жителей в городе идет на часы. Конечно, признавался впоследствии Щербина, велик был соблазн немедленно объявить населению города о случившемся, разъяснить, что оставаться здесь больше нельзя. И после этого считать свою миссию выполненной.

Но нетрудно было предположить, что паника в таком случае неизбежна, люди будут стараться вывезти как можно больше имущества. А этого нельзя допустить, потому что почти все вещи в квартирах уже были заражены радиацией и подлежали уничтожению. Главное же, чего нельзя было допустить: чтобы владельцы личных автомобилей загрузились «грязным» имуществом и на «грязных» же машинах бесконтрольно разъехались по стране.

Борис Евдокимович объявил перерыв в работе комиссии, но попросил товарищей не расходиться. Теперь он советовался с атомщиками, медиками, военными, местными руководителями.

После двух часов таких бесед, сравнения различных вариантов, уточнения позиций Борис Евдокимович вновь собрал комиссию в полном составе.

— Несмотря на бессонную ночь, усталости у Бориса Евдокимовича заметно не было, — вспоминает его помощник Б. Мотовилов. — Это было характерно для Щербины: его угнетали неопределенность, неясность, колебания окружающих, но когда он «созревал» для принятия решения, то преображался. И даже физически менялся, исчезало раздражение, он начинал острить, а это у него получалось блестяще, причем штампов и затасканных чужих остроумий он себе не

позволял, недолюбливал и анекдоты. Юмор у него прорывался именно по ситуации, всегда кстати, он остроумно и безобидно мог разыграть окружающих. Но это случалось с ним только при определенном расположении духа. Когда же что-то не ладилось, когда его предложения не встречали поддержки у руководства, с ним лучше было не общаться. Но это к слову.



Заседания же Правительственной комиссии носили спокойный, сдержанный характер с максимальным стремлением опереться на точку зрения специалистов. В своих решениях комиссия старалась максимально учитывать интересы людей.

Той долгой ночью Щербина еще раз позвонил Рыжкову, доложил о решении комиссии экстренно эвакуировать жителей Припяти. По предложению председателя Совмина Украины А. П. Ляшко еще до принятия решения об эвакуации — на случай, если оно будет принято, — из Киева в сторону Припяти начала двигаться колонна пассажирских автобусов и грузовых автомобилей, приспособленных для перевозки людей. Украинские железнодорожники пригнали в Припять три специальных состава. Комиссия, в которую на месте вошли представители соседних с Чернобылем районов, срочно определяла ближайшие пункты для временного расселения эвакуируемых.

К утру 27 апреля колонна из 700 автобусов и примерно 150 грузовиков растянулась от Припяти в сторону Чернобыля, районного центра Киевской области. Между Чернобылем и Припятью 19 километров. Транспорт для эвакуации людей обеспечен.

Теперь надо оповестить население, причем так, чтобы не спровоцировать панику. Щербина поручил Мотовилову подготовить обращение к жителям города. Это, казалось бы, несложное поручение превратилось в очень непростую проблему. Как убедить людей не брать с собой ничего лишнего, кроме документов, денег и минимума личных вещей? Только пообещав, что все вернутся

в свои квартиры через несколько дней. Щербина прекрасно понимал, что все будет не так, что жители Припяти не вернуться сюда никогда или, в лучшем случае, смогут побывать в своих квартирах через много месяцев на короткое время. Понимали это все в комиссии, но по-другому в той отчаянной ситуации поступить не могли.

Эта спасительная неправда позже вызвала много критики. Мы же уверены: никому из тех, кто принимал решение об эвакуации, не в чем себя упрекнуть. Стоило лишь заявить, что Припять будет брошена навсегда, наверняка эвакуация населения была бы сорвана. Последствия взрывной паники легко представить...

27 апреля, это был воскресный день, в 10 часов обращение прозвучало по городскому радио, затем повторялось через каждый час. Текст обращения был расклеен по всей Припяти.

Эвакуация населения была назначена на 14 часов. Людям предложили собраться, подготовиться и выйти к этому часу к подъездам своих домов. Уже через 40 минут 50-тысячный город практически обезлюдел. В Припяти остался только минимум работников коммунальных служб, для того чтобы не допустить аварий и обеспечить планомерное отключение электроэнергии, газа, водоснабжения, других городских сетей.

Конечно, покидая город, люди тревожились, расспрашивали, куда их везут, скоро ли вернуться... Житейские, вполне понятные вопросы. А в целом Щербина отметил и запомнил явственное ощущение спокойствия, удивительное на фоне катастрофы. Сегодня не без горечи думаешь: спокойствие как раз — дитя незнания. Взрыв был внешне страшен, но то быц только миг. Главная опасность входила в жизнь людей медленно, неуклонно, но абсолютно невидимо. Незаметно. Людям еще только предстояло осознать беду.

— Все члены комиссии, — вспоминает Б. Мотовилов, — были без респираторов, таблетки йодистого калия никто не выдавал. Да никто их и не спрашивал. Наука, видно, тоже плохо соображала в этом деле. Брюханов, директор станции, и местные власти были в прострации, а Щербина и многие члены комиссии были не сильны по части дозиметрии и ядерной физики...

Потом только стало известно, что радиоактивность в помещении, где находились члены комиссии, достигала ста миллибэр в час, то есть трех рентген в сутки. Это если не выходить на улицу, а снаружи — до одного рентгена в час, то есть 24 рентгена в сутки... Однако это внешнее облучение. Еще шло накапливание отравы в щитовидной железе. От собственных щитовидок люди получали еще рентген плюс к тому, что уже схватили от внешнего облучения. Таким образом, суммарная доза, полученная каждым жителем Припяти, а значит, и членами Правительственной комиссии, к 14 часам 27 апреля в среднем составила около 40—50 рад. Вот такая невеселая, если не сказать трагическая, статистика.

Питались все члены Правительственной комиссии без предосторожностей в ресторане гостиницы. Вместе с пищей радионуклиды попадали в организм. Только с вечера 27 апреля пошел сухой паек: колбаса, огурцы, помидоры, сырок плавленый, кофе, чай, вода. Всем хватило, кроме Щербины и Майореца. Они, видно, ждали, что им принесут. Но никто не приносил — их помощники занимались десятками поручений. А когда они сами кинулись к месту раздачи, там было пусто. По этому поводу было много шуток и смеха.

Самочувствие членов Правительственной комиссии к середине дня 27 апреля было примерно одинаковое: сильная ядерная усталость. Першило в горле, сухость во рту, кашель, головная боль, зуд кожи. Йодистый калий членам Правительственной комиссии стали выдавать только 28 апреля...

Зона

После эвакуации Припяти Правительственной комиссии предстояло заняться реактором, выяснением причин аварии, 30-километровой зоной.

Из воспоминаний Е. А. Игнатенко, генерального директора объединения «Комбинат», возводившего АЭС:

«С высоты 300 метров нам представилось незабываемое зрелище, которое могло бы

послужить элементами картины Дантова ада. В сумерках, еще не расставшихся с чернотой украинской ночи, особенно отчетливо выделась зловеще раскаленная активная зона. Верхняя конструкция реактора, его "крышка", называемая обычно ласковым именем "Елена", оказалась сорвана со своего штатного места, сдвинута в сторону северо-восточного квадрата от оси активной зоны и разогрета до желто-красного цвета. В "Елене" отчетливо просматривалась структура мест подсоединения каналов, имевших менее яркий цвет из-за повышенного теплоотвода.

В общем, активная зона реактора смотрелась коксовым пирогом, на котором многотонной сковородкой лежала раскаленная, слегка сдвинутая "Елена". Сполохи этой печи играли на остатках конструкции центрального зала четвертого блока и вентиляционной трубе. Раскаленный графит горел. В местах горения играло короткое пламя. Хорошо был виден разогретый воздушный столб, заполненный аэрозолями, поднимавшимися вверх.

Я посоветовал летчикам обойти его стороной. Мы прошли над объектом несколько раз, так как хотелось более четко зафиксировать в памяти детали увиденного и разобраться в происхождении.

На высоте над реактором бортовой рентгенометр вертолета с максимальной шкалой 500 рентген в час зашкаливало. После посадки я немедленно отправился в горком партии, где уже собралось большинство членов Правительственной комиссии, которые, выслушав доклад, должны были обсудить то, что было доложено мною.

В той радиационной обстановке надо было продумывать новое решение... Вечером я получил разнос от председателя: по его мнению, наши товарищи в Москве недостаточно активно занимались переводом действующих блоков РБKM в более безопасные режимы работы. При этом были упомянуты все мои бывшие прегрешения от Запорожья до Балаково. Дело в том, что я в свое время организовывал пуски первых блоков этих атомных электростанций и поэтому часто находился в поле зрения Щербины.

В ответ на критику я не смолчал, что еще более накалило обстановку. Наш министр Майорец, сидевший поблизости от меня, тихо сказал:

— Ну что ты лезешь в бутылку? Помолчи, ведь ты же умный человек.

Я воспользовался этим мудрым советом и получил дополнительное задание — принять участие в работе группы, занимавшейся определением причин аварии».

В понедельник 28-го состоялось заседание Политбюро. Н. И. Рыжков доложил о первых результатах работы Правительственной комиссии. Естественно, сказал об эвакуации. О ситуации на станции: четвертый блок разрушен, третий остановлен, первый и второй работают, хотя радиоактивное загрязнение там достаточно высокое.

Вертолетчики во главе с генералом Антошкиным начали облет взорвавшегося блока. Конечно, никто не знал масштабов случившегося, даже крупные ученые, тот же Легасов. Поэтому первое время Щербина летал вообще без всякой защиты, потом уже положили свинцовые листы. Ребята-вертолетчики, с которыми он летал, все ушли из жизни...

Но тогда во время первых полетов установили, что реактор и реакторный зал полностью разрушены, куски графитовых блоков выброшены взрывом на открытые площадки. Из жерла реактора на сотни метров встал белый столб дыма — видимо, от сгоревшего графита, — а внутри остатков реактора отчетливо видно малиновое свечение.

Главный вопрос — продолжает ли реактор работать, то есть идет ли процесс накопления радиоактивных изотопов, — решен был отрицательно: Легасов подобрался к реактору на бронетранспортере и лично убедился, что реактор «молчит». Но продолжает гореть графит, процесс этот долог и чрезвычайно опасен. Идет поиск средств для надежного гашения...

Всем было ясно, что ситуация сложилась и впрямь чрезвычайная, опасная не только для Чернобыля. Экология всей европейской зоны страны оказалась под серьезнейшей угрозой. На следующий день была образована Оперативная группа Политбюро, возглавил ее Н. И. Рыжков.

Оперативная группа заседала ежедневно, а в первые дни и по два раза. В комнате заседаний оборудовали ВЧ-связь усилителями, чтобы все могли слышать переговоры с Чернобылем. Любой вопрос из этой зоны решался немедленно. С Оперативной группой работали все, кто мог хоть

чем-то помочь, что-то подсказать. Любой запрос удовлетворялся сразу. Более четырехсот конкретных вопросов здесь было решено. Или, сказать точнее: помогли здесь разрешить, сделали решение возможным.

Из воспоминаний Н. И. Рыжкова:

«...Не люблю руководить только из начальственного кресла, как это у нас принято. Всегда хочу своими глазами видеть то, что делается. Информация из Чернобыля шла непрерывным потоком. Вряд ли тогда хоть кому-то могло прийти в голову что-нибудь скрыть.

Но информация — это лишь документы, телефонные разговоры... Меня же какая-то тревога не оставляла, точила не уставая: все ли мы знаем, все ли верно делаем? А тут — как раз 1 мая — Лигачев, он входил в Оперативную группу Политбюро, подошел ко мне с теми же сомнениями. Решили на следующий же день вылететь в Киев. Соблюдая субординацию, сообщили о нашем решении генеральному секретарю. Он немедленно и активно нас поддержат: езжайте, мол, на месте все увидите.

Честно говоря, я ждал, что он — глава партии и государства — тоже захочет полететь с нами. Но никакого такого желания он даже не высказал. Даже в виде предположения не высказал...

Штаб Правительственной комиссии расположился в здании райкома партии. Нас уже ждали. Об обстановке коротко рассказали Щербина, Легасов, Майорец, Велихов, председатель Госгидромета Израэль. На стол легла крупномасштабная карта, на которой нанесена была неровная, уродливая клякса — зона опасного радиоактивного поражения, откуда следовало эвакуировать жителей. Если ткнуть иглой циркуля в точку с надписью "Чернобыль" и провести окружность радиусом в 30 километров, то самые длинные и тонкие "языки" Зоны уперлись бы в нее. Правда, в очерченном круге оставались и не попавшие в Зону места, где уровень радиации, по представленной информации, позволял жить...

Все ждали решения. Ошибиться нельзя было.

— Эвакуировать людей будем из тридцатикилометровой зоны.

— Из всей? — переспросил кто-то.

Всегда любил поговорку: семь раз отмерь... Увы, но в тот момент она не подходила к ситуации. Времени не оставалось семь раз отмерять, следовало торопиться. Экономить, выгадывать на эвакуации, на здоровье людей — этого я ни понять, ни принять не мог. Лучше перестраховаться, а то как бы потом не просто дороже, а хуже для людей не вышло...

— Из всей! — решительно подвел я черту. — И начинать немедленно.

Когда спустя несколько часов мы возвращались в Киев, навстречу нам шли в Зону сотни пустых автобусов: казалось, что вся дорога от Чернобыля до Киева была ими занята. В Зоне должны были обезлюдеть 186 населенных пунктов.

Щербина уехал днем позже. Он к тому времени схватил солидную в сумме дозу радиации. Потом он еще не раз прилетит сюда, вплоть до 89-го летать станет, еще добавит к той черной сумме новые рентгены... Не они ли в итоге сократили ему жизнь?»

В цифрах процесс эвакуации из тридцатикилометровой зоны можно представить следующим образом.

3 мая, 10 часов. По решению Правительственной комиссии началась эвакуация из 10-километровой зоны ЧАЭС. Это 15 населенных пунктов, в которых проживали 9861 человек. Кроме того, вывезено 10 тысяч голов крупного рогатого скота.

4 мая. Эвакуация из 10-километровой зоны окончена. В безопасные места перевезены 9222 человека. Кроме того, вывезено 10 тысяч голов крупного рогатого скота.

4 мая, 15 часов. Началась эвакуация жителей города Чернобыля и населенных пунктов, входящих в 30-километровую зону. Для этой цели заранее подготовили автобусы, 1176 грузовых автомобилей и 1486 специальных автомашин для перевозки скота. В целом эвакуации подлежали 33 населенных пункта с населением 14 тысяч человек.

К этому времени на границах Зоны были уже развернуты передвижные автозаправочные станции, пункты дезактивации транспорта и санитарной обработки людей.

Конечно, были и другие события, чрезвычайно интересные и сложные как в техническом, так

и в организационном плане. Это — забрасывание с вертолетов мешков с глиной, свинцом и диоксидом бора для ликвидации пожара на четвертом энергоблоке, разборка завалов в условиях жесткого радиационного излучения, сооружение «саркофага» над разрушенным энергоблоком, дезактивация территории, возобновление работы трех сохранившихся энергоблоков, строительство нового города черновыльских энергетиков Славутича... Была и масса других, может быть, не таких заметных, но не менее важных дел, которыми занималась комиссия под руководством Щербины.

— Возможно, это мое субъективное мнение, — считает Б. Мотовилов, — но несгибаемая воля и характер Бориса Евдокимовича, его цепкий аналитический ум, способность подчинить все интересам дела, непререкаемый авторитет и другие качества бесспорного лидера наиболее ярко проявились в первую ночь после аварии на Чернобыльской АЭС. Ночь принятия решения и оперативной его реализации по эвакуации населения из Припяти. Причем настолько ярко, что все остальное, продолжавшееся многие месяцы, казалось обычным, рутинным делом, просто затянувшейся командировкой, каких у нас были десятки ежегодно.

Свои впечатления о работе комиссии оставил на магнитофонной пленке академик Легасов: «Прежде всего я хочу сказать, что удачным, наверное, оказался выбор Бориса Евдокимовича Щербины в качестве председателя Правительственной комиссии. Потому что он обладал таким качеством, как обязательное обращение к точке зрения специалистов. Очень быстро схватывал эти точки зрения и тут же был способен к принятию решения. Ему не была свойственна медлительность, робость в принятии тех или иных решений...»

А что знала страна о чрезвычайном происшествии? О тревоге, которая охватывала мир? Поначалу — почти ничего. Только то, что ловилось на радиоволнах. Был обычай на Руси — слушать на ночь Би-би-си. Родная пресса, теле- и радиоканалы о Чернобыле молчали. 1 мая «Правда» известила читателей о том, что по планете шагает Первомай. «Дерзновенные планы ускорения социально-экономического развития страны... энергия замыслов...» Крохотная заметка на второй полосе: «От Совета Министров СССР. На Чернобыльской атомной электростанции продолжают работы по ликвидации происшедшей аварии...»

«Над страной весенний ветер веет» — полоса в «Правде» 2 мая, репортажи о праздновании в столицах союзных республик: «Киев. Нежной акварельной зеленью распустившихся деревьев, алым кумачом транспарантов, бравурными звуками оркестров встретил город-герой на берегах Днепра первый день мая...»

6 мая «Правда» публикует статью политического обозревателя Юрия Жукова «Невольные саморазоблачения. Кто и зачем раздувает антисоветскую шумиху». Маститый автор озвучивал точку зрения Кремля, пытался усть Соединенные Штаты, которые замалчивали аварии на собственных АЭС. Напоминал о первомайских демонстрациях в Киеве и Минске, цитировал комментарий телеканала Си-би-эс: «Люди в Москве изумляются, почему на Западе из-за этого так много шума».

6 мая в пресс-центре МИДа СССР на Зубовском бульваре состоялась пресс-конференция для советских и зарубежных журналистов. Выступил первый заместитель министра иностранных дел Союза А. Г. Ковалев, за ним — председатель Правительственной комиссии, заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина. Борис Евдокимович подробно рассказал о том, что произошло 26 апреля в 1 час 23 минуты на четвертом блоке ЧАЭС, какие меры были приняты сразу, что делается сейчас.

— Наиболее расхожей претензией стали упреки за несвоевременную информацию, — говорил он. — Согласиться с этим нельзя. Необходимо было оценить произошедшее на месте и только после этого дать информацию. 28 апреля правительствам стран была дана возможная на этот период информация.

И только 14 мая к своей стране обратился генсек Горбачев. Перед этим он звонил в Чернобыль Легасову, делился тревогами: «Уже имя Горбачева начинают во всем мире трепать в связи с этой аварией». Ничто другое, похоже, его не волновало.

— Добрый вечер, товарищи! Как вы знаете, недавно нас постигла беда — авария на Чернобыльской атомной электростанции. Она больно затронула советских людей, взволновала

международную общественность...

А дальше общие слова, холодные рассуждения... Не на высоте положения, мягко говоря, оказался генсек.

Борис Евдокимович Щербина мог всю командировку провести в Припяти, в штабе Правительственной комиссии, выслушивая доклады. Понятно, и здесь опасно, но все же не так, как на самой АЭС, у взорвавшегося блока. В его характере — разобраться в существе дела досконально, понять его до конца. Поэтому он и отправился к четвертому блоку вместе с заместителем министра энергетики и электрификации СССР Ю. Н. Корсуном. Остановились метров за сто от блока. Радиационная обстановка — 70—100 бэр. Щербину и Корсуна предупредили: находиться там крайне опасно. Но они только кивнули... Тогда Борис Евдокимович предложил создать главк по ликвидации последствий аварии. И такой главк был создан.

Из воспоминаний Ю. Н. Корсуна:

«Борису Евдокимовичу дорого обошлось это посещение станции. По существу, никто не был защищен, но Борис Евдокимович был гораздо старше других. Его организм не смог побороть радиацию. И нельзя сказать, что он об этом не знал, — он понимал, чем это ему грозит, но свой долг выполнял самоотверженно. И все, кто был рядом, следовали его примеру.

После решения о создании главка началась всеобщая мобилизация технических служб, мы отправили туда технику, которая была предназначена для новых атомных станций. Это тяжелые краны грузоподъемностью 800 тонн, тяжелые радиоуправляемые бульдозеры, самые мощные и производительные бетононасосы и другая техника. Собрали "в кулак" мощную технику и стали разрабатывать стратегию борьбы с этим горем и злом. Б.Е. Щербина регулярно собирал все службы и вырабатывал предметные, конкретные решения, согласованные со всеми специалистами.

Он работал широко. Мог беседовать и с академиком Легасовым, и с президентом Академии наук СССР Анатолием Петровичем Александровым, и разговаривать с работающими там слесарями, бульдозеристами.

Сразу был виден его огромный опыт общения с людьми, накопленный и в Тюменском обкоме, и на посту министра. Борис Евдокимович обладал колоссальным даром привлекать к себе людей и увлекать их за собой — это редкий дар руководителя. Бывают руководители — "напыщенные всезнайки", с ними тяжело: не успеешь ты открыть рот, а они уже знают, о чем ты будешь говорить. Борис Евдокимович так никогда не поступал, он всегда слушал до конца, а дальше уже поправлял, если был не согласен. Умение слушать — качество, необходимое для руководителя.

В Чернобыле было много тяжелых моментов. Тяжело шло сооружение саркофага, тяжело шли все технологические процессы, связанные с понижением уровня радиационной активности. Приведу один пример. Нужно было подать раствор цемента в разрушенный реактор, в развал. Сделать это поручили специалистам Минуглепрома СССР. Но они не могли там хорошо сварить стальные трубы: не было сварщиков нужной квалификации. Об этом доложил министр М. И. Щадов Борису Евдокимовичу. Тот посоветовал позвонить в Миннефтегазстрой. В этот же день к вечеру в Припяти уже были высококлассные сварщики, трубы соединили. Потом на танковых тягачах подали первый бетон в развал этого реактора.

Щербина проявлял характер и терпение, понимая, что мы имеем дело с людьми: 25 бэр набирал человек, мы его должны были отпустить. Здоровья эта работа никому не добавляла.

Борис Евдокимович сделал очень много в первый, самый сложный период для людей. Ведь три блока запустили мы. Надо было размещать пять тысяч человек вахтенного персонала. Встала задача построить поселок Зеленый Мыс со всей инфраструктурой: с хорошей столовой, где люди могли бы питаться, с пропускными санитарными пунктами.

Борис Евдокимович сразу мобилизовал родной Миннефтегазстрой. Быстро получили весь комплекс в блочном исполнении: собранные котельные, прекрасный спортивный зал, бассейн — целый спорткомплекс — один, затем второй. Борис Евдокимович быстро договорился о выделении финансовых средств, и мы получили из Финляндии госпиталь на 150 коек, прекрасный профилакторий. Он внимательно следил за ходом поставок и сооружением поселка. В результате

за два месяца сделали вахтовый поселок, который соответствовал всем требованиям.

Борис Евдокимович понял специфику атомной энергетики: она не допускает незаконченности — все должно идти строго последовательно до полного функционального завершения. Он сам обладал совершенной ответственностью и завершенностью действий, и этот "щербиновский почерк" он прививал нам.

Щербина понимал, что вахтовикам очень тяжело работать, и приложил все силы, чтобы им дали квартиры в Киеве. Он договорился с руководством Украины, и там для эксплуатационного персонала мы получили восемь тысяч квартир. Вместе с тем стали строить город Славутич. Место прекрасное. Представьте себе: сосновый бор на песке, с низким уровнем грунтовых вод, это нас спасло. Мы туда пришли в январе 1987 года. Борис Евдокимович нас своим вниманием "баловал", благодаря этому мы за год ввели в строй 320 тысяч квадратных метров жилья со всей инфраструктурой: магазинами, столовой, рестораном, школой, шестью детскими садами.

Правда, для этого понадобилось принять постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, но Борис Евдокимович все организовал в Москве, согласовал с республиками. Были привлечены строительные организации во главе с Министерством энергетики СССР из РСФСР, Литвы, Латвии, Эстонии, Армении, Грузии, Азербайджана. Украину и Белоруссию не привлекали, так как они решали другие важные проблемы по размещению населения и пострадали больше всего.

В результате под руководством Б. Е. Щербины мы ликвидировали возможность управляемых событий и угрозу заражения окружающей среды.

В дни чернобыльской трагедии Борис Евдокимович являл собой органический сплав мужества, мудрости и выдержки и тем самым подавал пример всему коллективу, героически ликвидировавшему последствия этой катастрофы».

Кажется, все заместители Николая Ивановича Рыжкова — Баталин, Ведерников, Маслоков — прошли Чернобыль.



А теперь приведем несколько выдержек из последних записей Валерия Алексеевича Легасова.

«Эта трагическая ситуация, тяжелая ситуация, — считал ученый, — требует не просто мобилизации больших информационных ресурсов, но и очень творческого, очень грамотного использования этих ресурсов, чтобы в нужной последовательности и в нужном объеме население получало сведения о происходящем...»

Ему виделась специальная телевизионная и газетная рубрика, состоящая из двух частей. Первая часть чисто официальная, точная информация от Правительственной комиссии к тому времени, когда эта рубрика выходит; вторая часть — «описательная, с личными точками зрения».

В общем, заключал свои размышления Валерий Алексеевич Легасов, это серьезный вопрос: как и в каком масштабе освещать подобные события, очень неприятные и тяжелые, затрагивающие практически все население страны, да и не только нашей страны.

Борис Евдокимович Щербина в свой первый приезд в Чернобыль провел там девять дней. Нахватал рентген, тем не менее не хотел покидать Чернобыль. Он считал, что ему уже удалось наладить ликвидацию последствий аварии, а кому-то другому надо будет начинать все сначала. Горбачев с такой позицией не согласился. Говорили, что в телефонном разговоре со Щербиной он распорядился оставить объект и вернуться в Москву.

Из аэропорта Щербина позвонил жене, Раисе Павловне, попросил прислать во Внуково белье, одежду, потому что все, что было на нем, сожгут.

— Мама на скорую руку все собрала, — вспоминает Юрий Борисович Щербина, — и я поехал в аэропорт. Отцу вернули только депутатский значок, удостоверение зампреда и ключи от сейфа. Все остальное, как положено, сожгли. Хотели еще наголо остричь, но Борис Евдокимович наотрез отказался, так как ему предстояло выступить по телевидению. Часа два мыли волосы какой-то пеной и только после этого отпустили домой.

Всего в зоне Чернобыльской АЭС с того черного апреля 1986 года по февраль 1989-го, когда состоялась его последняя поездка туда вместе с М. С. Горбачевым и В. В. Щербицким, Борис Евдокимович пробыл в командировках 92 дня. А на самом деле значительно больше, потому что в короткие поездки на один-два дня, в частности на строительство города Славутич в 1987—1988 годах, он не оформлял командировок.

Борис Евдокимович был самоотверженным человеком. И когда в Чернобыле среди первых бросился в пекло, он, конечно, понимал, чем это ему грозит, но твердо знал и другое: генералу негоже отсиживаться в тылу — солдат в одиночку с бедой не справится. Щербина шел в чернобыльский ад с открытыми глазами, зная, что получает облучение. Это был самоотверженный поступок.

— Георгий Иванович, — говорил он как-то Г. И. Тихонову, начальнику отдела в Бюро по ТЭК, — после Чернобыля много людей заболело лучевой. Ты знаешь, сколько я схватил? А ведь совершенно здоров. — И вынимал из кармана мумиё: он знал, что Георгий Иванович долго работал в Таджикистане, и как бы советовался с ним. — Я каждый день принимаю горошинку...

Тихонов не стал ему говорить, что не особенно-то верит в это мумиё. Лечение болезни во многом зависит от морального состояния человека. Пока борется, пока не сдаётся, случалось — и не раз! — болезнь отступает. Щербина больше многих других верил в это.

Был у него в жизни случай. Несколько поездок на Север при недолеченной пневмонии довели его до астмы. Врачи рекомендовали ему аэрозоль для поддержания нормального дыхания, и все. По словам же Паустовского, «жизнь астматика — это жизнь вполовину». Но Борис Евдокимович решил: «Нет, лежать или жить вполовину — это не для меня!» Он перевернул гору книг и журналов и нашел методику Стрельниковой, которой пользовались многие артисты, ученые. Идет заседание коллегии. Мужики в перерыве бегут перекурить, а Борис Евдокимович идет в комнату отдыха и занимается дыхательной гимнастикой. Через несколько месяцев он выгнал из себя эту хворь! Врачи были в шоке — такая сила воли.

Накануне нового, 1989 года Щербина возвратился в Москву из Армении. После Чернобыля на него обрушилось и землетрясение в Спитаке, Ленинакане.

Людмила Васильевна Щербина убеждена:

— Они его загнали!

Они — это кремлевские вожди, чьи портреты в те годы висели по всей стране — от Красной площади до пограничных застав.

— Нельзя было после Чернобыля загружать Бориса Евдокимовича восстановлением Армении. Он вернулся оттуда весь черный от горя. Говорил, что не был так разбит, так потрясен даже на пепелищах, которые оставляли, отступая, фашисты в годы Великой Отечественной войны...

Врачи настояли на лечении Бориса Евдокимовича. Примерно в середине февраля в больнице он узнал, что Чернобыльскую АЭС намерен посетить Горбачев. Генсек собрался туда впервые, спустя почти три года после аварии. Узнав об этом, Щербина стал настаивать на участии в этой поездке. Врачи были категорически против, но он переубедил их. И за два дня до приезда на станцию Горбачева прилетел в Чернобыль.

Выглядел Борис Евдокимович неважно, но, как всегда, не подавал вида, что ему нездоровится. С руководством «Комбината», именно так после ликвидации последствий аварии и возобновления работы уцелевших блоков стала называться Чернобыльская АЭС, были обсуждены варианты осмотра станции высокими гостями, включая посещение нового города атомщиков Славутича.

— Поводов для беспокойства как будто бы не было, — вспоминает Б. Мотовилов, — но Щербина заметно, по крайней мере для тех людей, кто близко и часто с ним общался, нервничал. Да это и понятно — даже ему не так уж часто приходилось встречать, сопровождать и информировать главу партии и государства.

Неувязки начались в день приезда М. С. Горбачева и его свиты. Уже с утра по территории станции бродили ранее никому не известные «операторы» в белой спецодежде, как и положено работникам АЭС. Под их белыми халатами, если внимательно присмотреться, можно было обнаружить оружие и рации. Это была многочисленная охрана генсека. Сам же он в назначенное время не появился. Лишь полтора часа спустя к станции подъехал кортеж черных ЗИЛов, «Чаяк» и «Волг». Прибыли М. С. Горбачев с Раисой Максимовной, первый секретарь ЦК Компартии Украины, член Политбюро ЦК КПСС В. В. Щербицкий, председатель президиума Верховного Совета Украины В. С. Шевченко, первый секретарь Киевского обкома Компартии Украины Г. И. Ревенко, который, кстати, впоследствии был переведен в Москву и работал главой администрации первого и последнего Президента Советского Союза...

На станции говорили о том, что люди по пути кортежа из Киева в Чернобыль перегораживали дорогу, пытаясь поговорить с Горбачевым. Так или нет, но никаких «выходов в народ» во время этой поездки у Горбачева не было.

— Наспех пройдя по энергоблокам, высокие гости расселись в машины и направились в Славутич, — продолжает Б. Мотовилов. — Чтобы избежать встречи с жителями города, которые стали собираться на главной площади, делегация кружной дорогой подъехала к горисполкому. Там прошло короткое совещание, на котором докладывал Щербина. Он же ответил на немногочисленные вопросы Горбачева.

На прощание сфотографировались у входа в горисполком, расселись по машинам и разъехались. М. С. Горбачев и его свита — в Киев. А Щербина, Израэль, председатель Госкомгидромета СССР, Луконин, министр атомной энергетики СССР, и Велихов, директор Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, вице-президент Академии наук СССР, — к своему Як-40, который ждал их на аэродроме летного училища в Чернигове.

Когда взлетели, кто-то вспомнил, что сегодня 23 февраля, День Советской армии. К тому же никто из них в тот день не обедал. Старательные стюардессы быстро накрыли на стол, появился коньяк, несмотря на строжайший запрет того времени.

Борис Евдокимович, отставив рюмку, подозвал своего помощника. Мотовилов взглянул в его лицо и обомлел: оно было белым как бумага. Стюардессы оказались плохо подготовлены к нестандартным ситуациям. К счастью, на борту был опытный человек — Ю. А. Израэль. Он

ослабил у Бориса Евдокимовича узел галстука, расстегнул рубашку, наложил кислородную маску.

Наконец лицо Щербины стало розоветь, он заговорил, сумел проглотить таблетки. А помощник в это время вместе с командиром самолета безуспешно пытался дозвониться до Москвы. Як-40 еще не вошел в зону так называемой радиовидимости, а это на той высоте, на которой находился самолет, составляло примерно 120 километров.

К счастью, за эти полчаса полета состояние Щербины оставалось стабильным, и вскоре Мотовиллову удалось связаться с Чазовым, министром здравоохранения СССР. После короткого разговора Израэля с Чазовым стало ясно, что это инфаркт, но никто из присутствующих, разумеется, не произнес этого слова.

Когда самолет приземлился во Внукове, прямо на летном поле его ожидал Евгений Иванович Чазов и правительственный ЗИЛ модификации «реанимационная». Бориса Евдокимовича увезли в больницу на Мичуринском проспекте.

— И сегодня я убежден, что отменное здоровье Щербины было подорвано именно в Чернобыле, где он получил не менее 800—1000 бэр (биологический эквивалент рентгена) радиоактивного облучения, — рассказывает Б. Мотовилов. — Убежденность моя не умозрительна: мне досталась доза в 55 бэр, но я значительно реже шефа бывал на разрушенном блоке, поскольку он определил мое место в основном у телефона — для связи с Москвой, Киевом и т. д. Сам же он нисколько не считался с тем, какую опасность таит в себе радиационное облучение.

После огъезда Щербины из Чернобыля оперативную группу Правительственной комиссии возглавил В. С. Возняк. Рабочий день продолжался с 8 утра до 8 вечера. Каждый день в 18 часов проводилось оперативное совещание с участием руководителей всех занятых на работах подразделений, руководства объединения «Комбинат» и дирекции ЧАЭС. Каждое утро в 9 часов по ВЧ-связи Возняк докладывал обстановку Борису Евдокимовичу. — Особенностью его стиля и методов работы была нацеленность на практику, на конкретику, на обязательное достижение поставленных задач, получение конкретных результатов, — рассказал В. С. Возняк. — Отсюда его дотошность, иногда превосходящая, по моему мнению, разумные управленческие пределы для руководителя такого высокого ранга. Бывало так, что он перепроверял полученную от меня информацию у директора Чернобыльской АЭС М. П. Уманца или генерального директора объединения «Комбинат» Е. И. Игнатенко. Вначале это меня обижало. Потом я понял, что дело здесь не в недоверии, а в желании сопоставить различные точки зрения для принятия оптимального решения.

В работе не жалел себя, работал с максимальной нагрузкой, очень интенсивно. Как-то еще до работы в Чернобыле в минуту откровения он высказал мысль: «Я для себя понял: чтобы долго жить, надо мало есть, мало спать и много работать».

С такой меркой он подходил и к своим подчиненным. Работать с ним было трудно, конечно, с обыденной точки зрения. Скрашивало обстановку одно важное обстоятельство: с ним все получалось, выполнялись поставленные задачи, росли и набирались опыта люди, занимая более высокие должности, получая премии и награды.

В деятельности по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС Щербина мог принимать смелые и неординарные решения. Он никогда не требовал многочисленных бюрократических согласований, которые, как правило, занимали много времени, размывали ответственность конкретных должностных лиц, зачастую делались только ради подстраховки.

— Я не припомню случая, чтобы решение по обсуждаемому вопросу не принималось из-за отсутствия чьей-то подписи, переносилось или откладывалось без серьезных причин, — продолжал В. С. Возняк. — Иногда, правда, решение принималось прямо противоположное тому, которое вносилось тем или иным министерством, ведомством либо другими организациями, и это вызывало неудовольствие самого высокого начальства.

Многие руководители в тот период отмечали в частных беседах, что если бы в народном хозяйстве, во всех его сферах так принимались и реализовывались хозяйственные решения, как они осуществлялись Правительственной комиссией, то экономические результаты были бы намного весомее.

Корень от падучей

Видимо, надо напомнить: в то время рядовому советскому человеку не полагалось знать о ЧП в своей стране. Чрезвычайные происшествия, техногенные катастрофы, аварии случались только в капиталистическом мире. Уполномоченные Главлита, советской цензуры, регулярно проводили в редакциях инструктаж, о чем писать можно, о чем — нельзя. Влажные полосы завтрашних газет курьеры «Комсомолки», «Правды», «Известий», «Труда» — всех центральных и местных газет — несли цензорам. Полоса шла в печать только со штампом уполномоченного Главлита. Точно так же визировалось слово радиожурналиста, репортера ТВ... Система контроля была абсолютной. Первую группу журналистов центральных газет перед отправкой в Чернобыль инструктировал лично секретарь ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев. Советовал журналистам не раздувать панику, больше писать о том, что делается для спасения людей, как вся страна помогает Чернобылю...

В полный голос о Чернобыле заговорили не скоро. Но и тогда некоторые пытались докопаться до истины. По всей стране останавливались стройки АЭС. «Правда», главная газета страны, командировала в Чернобыль Владимира Губарева, редактора по отделу науки, писателя, драматурга. В репортажах для газеты он писал о том, что по тому времени было дозволено. О подвиге пожарных и вертолетчиков. Об эвакуации Припяти. О том, как радушно встречают переселенцев по новым адресам, помогают устроиться... Это было правдой, но не всей. А всю правду Владимир Губарев, журналист принципиальный и мужественный, попытался высказать в пьесе «Саркофаг». «Правда» летом 1986 года напечатала большой отрывок из этой пьесы. Эту полосу под свою ответственность поставил в номер главный редактор «Правды» Виктор Афанасьев. Полностью «Саркофаг» вышел в сентябрьском номере журнала «Знамя». Пьеса Губарева стала таким же значимым событием общественно-политической жизни страны, как в сорок втором, горьком и страшном, пьеса Александра Корнейчука «Фронт». Но «Фронту» дал напутствие Сталин, а «Саркофагу» — автор. Да, известный в Союзе журналист, редактор «Правды» по отделу науки, писатель и драматург... Но как он смеет? Что позволяет? И покатила «телега» в Совет Министров СССР. Николай Иванович Рыжков поручил разобраться с жалобой Щербине. Приведем докладную записку Бориса Евдокимовича, адресованную Председателю Совмина:

«По Вашему поручению Правительственная комиссия по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС рассмотрела заключение ведущих советских специалистов в области лечения радиационных поражений докторов медицинских наук, профессоров Гуськовой А. К. и Григорьева Ю. Г. по пьесе В. Губарева "Саркофаг", опубликованной в журнале "Знамя" № 9 за 1986 год, а также некоторые другие вопросы, поставленные в этой пьесе.

В кратком предисловии автор сообщает, что эта пьеса по существу является его отчетом по командировке на Чернобыльскую АЭС в мае с. г., то есть сразу же после аварии на четвертом энергоблоке станции, происшедшей 26 апреля 1986 г. Это обстоятельство обязывает автора следовать в основном реальности случившегося.

Однако при прочтении пьесы складывается впечатление, что автор вместо объективного изложения событий преследовал прежде всего одну цель — отразить сенсационность, необычность происшедшего. По-видимому, в стремлении поскорее опубликовать художественное произведение на тему об аварии в Чернобыле автор не позаботился о совершенно необходимом — не проконсультировался со специалистами — физиками, конструкторами, врачами, работниками соответствующих министерств. Отсюда целый ряд незрелых, недостаточно осмысленных, торопливых суждений и выводов. Ряд персонажей пьесы — Бессмертный (Кролик) с его по меньшей мере странной историей, Велосипедист — вор с уголовным прошлым, тетя Клава, генерал милиции — надуманные, нежизненные образы, плод фантазии автора, не имеющей ничего общего с реальной жизнью. Вместе с тем через диалоги и суждения этих персонажей трансформируется общее представление о происшедших событиях, делаются необъективные, искаженные выводы и оценки.

Использованный в пьесе прием — ведение прокурором допроса пораженных лучевой

болезнью, умирающих людей — представляется неоправданно жестоким, бесчеловечным по отношению к пострадавшим при аварии. Подчеркивается неизбежность следствия, причем все это усугубляется мрачностью, безысходностью обстановки в клинике.

Как известно, среди наиболее пострадавших при аварии на Чернобыльской АЭС были только работники пожарной охраны и персонал станции, принимавшие участие в ликвидации пожара. Ни один человек из населения города не получил сколько-нибудь значительных доз облучения, не говоря уже о заболевании лучевой болезнью. У автора же в числе пораженных лучевой болезнью тетя Клава (в пьесе умирает), Велосипедист, которые не были и не могли быть на территории станции. Это уже не безобидное упущение, а серьезное отступление от достоверности событий, искажение действительности, которые могут вызвать у читателя или зрителя неверное представление о масштабах аварии. Не соответствует действительности также беспорядок и неразбериха в первые часы после аварии, о чем постоянно говорят герои пьесы.

В беседе с прокурором один из персонажей пьесы (оператор) недвусмысленно определяет причину аварии в некачественном строительстве энергоблока, в стремлении досрочно сдать его в эксплуатацию. При этом допускаются вольности такого, например, характера: "Там, под реактором, не только бетонные глыбы лежат, но, если поискать, то и парочку экскаваторов найти можно. А все ради рапорта, премии... Кому такое ускорение нужно?" Не говоря уже о том, что никакого досрочного ввода в эксплуатацию четвертого энергоблока не было (первоначальный срок ввода был установлен в 1982 г., затем переносился на первое полугодие 1983 г., а фактически блок был введен в декабре 1983 г.), такая позиция наносит вред развитию отечественной атомной энергетики.

В этом же ключе ведутся рассуждения автора о надежности оборудования атомных электростанций, об уровне их автоматизации. Такие трактовки накладывают тень на общее состояние развития атомной энергетики, на общие порядки в стране.

В искаженном виде представлено также проведение эвакуации из города энергетиков. Говорится о нерешительности, о задержке с принятием решения об эвакуации, тогда как в этой части не было никаких колебаний, все решения принимались и выполнялись своевременно и четко. Кстати, уровень радиации в г. Припяти и близлежащих населенных пунктах не требовал какой-то исключительной срочности при проведении эвакуации. Об этом свидетельствуют данные медицинского обследования эвакуированного населения.

В пьесе допущены также и другие просчеты, неточности, неверное толкование событий.

Не случайно некоторые зарубежные средства информации широко используют сведения, почерпнутые из этой пьесы, в своих публикациях. Так, например, американский писатель-фантаст Фредерик Пол, подготовивший художественную книгу об аварии в Чернобыле, в беседе с корреспондентом "Литературной газеты" говорит следующее: "Я только что закончил чтение 'Саркофага' — пьесы В. Губарева, поразившей меня своей силой и правдой. С интересом побеседовал с автором. Еще несколько лет назад в Соединенных Штатах не поверили бы, что такая пьеса может быть у вас поставлена. Уверен, если ее перевести и показать американскому зрителю, успех был бы огромен" (*"Литературная газета" от 17 декабря 1986г.*).

Вызывает недоумение позиция редакции журнала "Знамя", которая также не сочла возможным перед публикацией пьесы получить заключения соответствующих специалистов. Представляется целесообразным поручить Минкультуры СССР рассмотреть вопрос о возможности постановки указанной пьесы на сценах театров. По мнению Правительственной комиссии, было бы неоправданным ставить пьесу в том виде, как она опубликована.

Следует обратить внимание на то, что определенные вольности и искажения в трактовке событий в Чернобыле допускают и другие наши средства массовой информации.

Подготовленные фильмы "Колокол Чернобыля" (Центральная студия документальных фильмов) и "Чернобыль: двадцать трудных дней" (Украинская студия документальных фильмов) также грешат непоследовательностью, поверхностным освещением событий. Правительственной комиссией создателям этих фильмов было указано на их фрагментарность, незаконченность, имеющиеся неточности. В связи с серьезными критическими замечаниями, поддержанными

отделами ЦК КПСС, оба фильма перерабатываются.

В погоне за сенсационностью отдельные журналисты, не утруждая себя тщательным изучением причин и обстоятельств аварии, а также мер, принимаемых по ликвидации ее последствий, также допускают в публикуемых материалах неточности и неверные выводы. Ряд таких материалов был опубликован в украинских газетах, в "Литературной газете".

В газете "Московские новости" от 16 ноября 1986 г. в статье "Забыть Чернобыль?" политического обозревателя этой газеты Дмитрия Казутина комментируется подготовленная журналистом А. Иллешем по договору со шведским издательством "Рюбук" рукопись книги о событиях в Чернобыле. Даже в небольших отрывках из этой рукописи, процитированных газетой, содержатся ошибочные суждения по ряду вопросов (например, об организации эвакуации населения).

Минкультуры СССР, Госкино СССР, Гостелерадио СССР, Госкомиздату СССР, редакциям газет и журналов необходимо повысить требовательность к публикуемым материалам, исключить проникновение на страницы газет и журналов, на экраны кинотеатров и в телевизионные передачи недостаточно глубокой и тем более искаженной информации по вопросам, связанным с аварией на Чернобыльской АЭС.

Б. Щербина.

29 декабря 1986 г.»

В фонде рассекреченных документов Российского госархива новейшей истории хранится и письмо В. С. Губарева, адресованное Н. И. Рыжкову:

«Уважаемый Николай Иванович!

Считаю своим долгом сказать несколько слов о записке т. Щербины по поводу пьесы В. Губарева "Саркофаг".

Пьеса — это не иллюстрация к событиям в Чернобыле, а художественное произведение. Более того, я пытался как можно дальше уйти от реальных событий. Судя по "Записке", мне это удалось.

Я старался в художественной форме осмыслить те проблемы, которые стоят перед обществом и которые четко обозначены в специальном решении Политбюро ЦК КПСС, посвященном докладу Правительственной комиссии по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

Одна из задач пьесы — это борьба против ядерного безумия, и реакция на пьесу, в частности на Западе, подтверждает, что идея воспринята верно — человечество может оказаться в "саркофаге", если не остановить гонку ядерных вооружений.

Вызывает удивление, что тт. Гуськова и Григорьев написали такое заключение. Во время обсуждения пьесы в Доме ученых им было предоставлено слово, но подавляющее большинство специалистов не согласилось с их аргументами. В "Литературной газете" был опубликован отчет об этой дискуссии, где я принес свои извинения за невольную обиду медикам. Кстати, медики в пьесе — положительные герои.

Но тем не менее я благодарен за внимание к пьесе, за критические замечания, которые я обязательно учту при постановке пьесы в театрах.

Владимир Губарев.

8 января 1987 г.»

Наверное, своя правда была и у Щербины, и у Губарева. Совсем близкой была еще трагедия Чернобыля, многое предстояло осмыслить и переосмыслить. Под грифом «секретно» оставались реальная обстановка, пораженные территории в соседних областях Украины, Белоруссии, России. Возможно, на позиции Бориса Евдокимовича сказывался подход, принятый в свое время при подготовке обращения к жителям Припяти. Тогда спасительная неправда диктовалась жесткой необходимостью. Но сейчас-то следовало сказать все как есть. Чтобы не было новой беды.

Время рассудило давнюю полемику. «Саркофаг» Владимира Губарева идет по сей день. Люди, избравшие атомную энергетику своей профессией, признательны Владимиру Степановичу, в этой среде он — свой человек. Потому что не лгал тогда, не лжет сейчас.